

АННА ЖНЕЦ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Любимая,
ВЕРНИ МНЕ КРЫЛЬЯ

Анна Жнец
Верни мне крылья, любимая
Серия «Мужчины из дома
удовольствий», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69310561
SelfPub; 2023*

Аннотация

Встретить истинную пару, будучи проданным в мужской бордель, – нет худшего унижения. Особенно, если ты гордый дракон из древнего богатого рода. Не так, ох, не так Дьяр представлял знакомство со своей второй половинкой. Как не умереть от стыда? Как обрести свободу, если на горле антимагический ошейник? Как заставить любимую увидеть в нем достойного мужчину, а не презренного раба из дома удовольствий? ____ История Дракона и Арабеллы из романа «Общество по защите обесчещенных эльфов». Можно читать отдельно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	37
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анна Жнец

Верни мне крылья, любимая

Глава 1

Не может быть!

Он смотрел на девушку в конце зала и не мог пошевелиться. Не мог выдать ни слова. Даже вздохнуть не мог. Сердце бешено колотилось в груди, и кровь в жилах закипала, бурлила, пенилась. Не кровь – жидкий огонь.

Она. Это она. Его истинная пара.

Любовь, которую Дьяр ждал целую вечность, сто два года, с тех пор как в пламенном круге драконов отпраздновал свое совершеннолетие.

Она стояла в дверях, на пороге «Гостиной встреч», растерянная и немного смущенная. Красавица. Блондинка. В серо-зеленом платье, слишком скромном для того заведения, куда ее занесло.

А занесло ее в бордель. Знаменитые «Шипы» Мадам Пимглоу. Дом удовольствий, где мужчины-пленники вынуждены продавать себя за деньги.

И Дьяр – один из этих мужчин.

Тот, кого готовили стать наследником Огня, хранителем Драконьего острова, вот уже неделю работал шлюхой.

Какая жестокая насмешка судьбы! Нет, даже не насмешка – хуже. Судьба не посмеялась над Дьяром – она в него плюнула. Прямо в лицо. А потом ударила под дых, так что не разогнуться, не глотнуть воздуха.

Он в мужском борделе, в рабском ошейнике, по самую макушку провалившийся в грязь, смотрел на свою истинную пару – девушку, которую ждал так долго и с таким нетерпением.

Почему Дьяр не мог встретить ее раньше, когда был на коне, когда каждая красotka на острове мечтала заполучить его в мужья?

Все эти сто лет среди своего народа Дьяр считался завидным женихом. У него было, что предложить будущей супруге, а теперь...

Теперь он пал так низко, что даже не посмеет подойти к своей избраннице. Не в этой одежде для шлюх, не с черной блядской краской на веках, не с рабским ошейником на горле. В таком виде он просто постыдится показаться ей на глаза!

Он, ледяные бесы, сгорит от унижения!

Он уже горит! От страсти, охватившей его при одном лишь взгляде на белокурую незнакомку. От осознания своего чудовищного позора. Дьяр теперь хуже грязи. Не личность, не мужчина – тело для постельных утех.

Вспышка ослепляющей ярости заставила стиснуть кулаки.

Несправедливо. Нечестно.

Столько лет он мечтал об этой встрече! Прокручивал ее в мыслях, видел во снах. Его сверстники уже обрели избранниц, а Дьяр все ждал и ждал подарка от судьбы, почти отчаялся.

И вот случилось: дорога жизни, долго петляя, привела-таки к бывшему драконьему лорду его вторую половинку. Но к этому моменту несчастный успел лишиться всего: свободы, титула, чести.

Даже крыльев!

О, священный огонь!

Два уродливых шрама на спине – все, что осталось от его прекрасных и мощных крыльев. Их отрезали. Забрали у Дьяра небо. Превратили его в калеку. И теперь эти два убогих рубца ныли днями и ночами, напоминая о его потере навязчивой монотонной болью.

Невыносимо.

– На что это ты уставился? – раздался рядом неприятный, визгливый голос, и реальность обрушилась на Дьяра потоком ледяной воды.

Рядом с ним на диванчике сидела женщина средних лет – клиентка. Ее рука, маленькая и пухлая, лежала у него на бедре. Пальцы, короткие и толстые, как свиные колбаски, гладили ногу через ткань штанов, медленно подбираясь к паху.

Дьяра тошнило от этих прикосновений. От близости незнакомой женщины. От ее запаха – чужого и отталкивающего.

Ему хотелось согнуться и исторгнуть из себя все, что он съел на ужин, – прямо на пол, меж своих стоящих на этом полу ступней. Избавиться не только от остатков еды, поднявшихся по пищеводу и комом застрявших в горле, но и от унижения, от нестерпимого чувства гадливости, которое Дьяр испытывал и к сидящей рядом женщине, и к собственному оскверненному телу.

Ужасно. Больно до слез. Возмутительно до красных вспышек перед глазами.

Дьяр отодвинулся от клиентки и снова взглянул на девушку, вошедшую в комнату.

Она ведь попала в «Шипы» случайно? Наверняка искала магазин или ателье и ошиблась дверью. Девушки с такими добрыми глазами и невинным выражением на лице не покупают в борделях живой товар, не платят за насилие над теми, кто не может себя защитить.

Сейчас красавица поймет, что зашла не туда, и...

Сбежит! Он больше ее не увидит! Свою истинную пару.

Испуганный Дьяр попытался вскочить с дивана, но клиентка проворно вцепилась в него всеми конечностями.

– Куда это ты собрался? Совсем обнаглел. Сейчас я заплачу за ночь с тобой, и мы поднимемся в спальню. Надеюсь, там ты не будешь таким холодным и как следует отработаешь

деньги, которые за тебя просят.

Чужое дыхание осело на коже лица, и Дьяр поморщился. От запаха цветочных духов, ударившего в ноздри, замутило. Захотелось брезгливо стряхнуть с себя женские руки, оттолкнуть клиенту с яростью и возмущением.

Да как она смеет! Трогать его, наследника Пламени, хранителя Драконьего острова.

Бывшего.

Бывшего наследника и хранителя.

На миг магический ошейник на горле сжался, лишив дыхания и напомнив Дьяру, кто он теперь такой.

Шлюха. Постельный раб. Вещь, не имеющая никаких прав. Ни на чувства, ни на желания, ни даже права распоряжаться собственным телом.

Из темной ниши за роялем на бывшего драконьего лорда пристально взирала Лаира – смотрительница борделя, помощница мадам Пим-глоу. Она и заставила стальные оковы перекрыть ему кислород.

«Знай свое место, – говорил ее взгляд. – Будь послушным. Ублажай клиентов. Иначе отправишься в комнату боли».

Боль.

Дьяр так от нее устал. Ни один курто из этого заведения не провел столько времени в комнате боли, как он. Его нрав очень долго пытались усмирить. Очень долго.

– Вот так-то лучше, – задышала ему в ухо ненавистная клиентка, когда Дьяр перестал дергаться, сбрасывая с себя

ее руки. Наглые пальцы тут же устремились вверх по внутренней стороне его бедра. К паху.

Каждая мышца напряглась, противясь этим прикосновениям. Все в груди от омерзения сжалось тугим узлом.

Нет.

Не надо.

Хватит.

В полном отчаянии Дьяр смотрел на свою истинную пару, в то время как его лапала чужая женщина.

А белокурая красавица с добрыми глазами не спешила пугаться своей ошибки и уходить. Розовая от смущения, она пересекла гостиную и устроилась на одном из мягких диванчиков. Неужели и правда пришла в бордель целенаправленно – за продажной мужской любовью?

От этой мысли душа почернела и скорчилась от боли, как бумажный лист, пожираемый огнем.

Агония.

Девушка, предназначенная Дьяру судьбой, явилась в «Шипы», чтобы купить мужчину. Сегодняшнюю ночь она проведет в объятиях одного из курто. И Дьяр не в силах ей помешать. Все, что он может, – предложить себя. В качестве шлюхи, в качестве тела для удовольствия, потому что рассказать правду об истинности у него не хватит духа.

Взволнованный Дьяр попытался подняться с дивана, но тут же сел обратно.

Нет. Стыдно. Не так. О, священный огонь, не так он видел

встречу со своей второй половинкой!

Дьяр думал, что предстанет перед ней во всем великолепии драконьего лорда, наследника одного из самых древних и влиятельных Домов. Воображал, как поразит избранницу красотой своих крыльев. Они у него были с редким оперением – угольно-изумрудным.

Крылья – главная гордость мужчины из расы драконов. Чем они больше, тем жених привлекательнее, а у Дьяра крылья были огромные, да еще и необычного окраса. Он так ими гордился!

А теперь их нет, и все, что он может показать избраннице – свою искалеченную спину.

Нет, он не подойдет к ней. Не посмеет. Умрет от унижения.

Но и с этой похотливой особой, которая устроилась рядом и трется о него своими дряблыми, вываливающимися из корсета грудями, Дьяр тоже не будет. Спать с кем-то, позволять посторонним женщинам к себе прикасаться, когда нашел истинную пару, – немыслимо, недопустимо. Уж лучше комната боли.

А за отказ Лаира обязательно окунет его в океан страданий. Пусть. Он согласен.

Только Дьяр собрался оттолкнуть ненавистную клиентку, как вдруг заметил спускающегося по лестнице Лиса.

Три часа назад этот рыжий, словно огонь, мужчина поднялся с женщиной в спальню, но купили его, видимо, нена-

долго, и теперь Лис возвращался в «Гостиную встреч», чтобы до конца ночи успеть подцепить кого-нибудь еще и принести проклятой хозяйке «Шипов» лишнюю золотую или серебряную монету.

Дьяр недолюбливал Лиса. Скользкий, хитрый, беспринципный, тот во всем искал свою выгоду. И сейчас, заметив новую клиентку, молодую, хорошенькую, с добрым лицом, остановился на середине лестницы и прищурился. Выбрал жертву.

Если надо с кем-то переспать за деньги, почему бы ни сделать это с красивой женщиной?

Приняв соблазнительный и развратный вид, Лис направился в сторону одиноко сидящей на диване блондинки. Его, Дьяра, истинной паре!

Дракон сам не понял, как оказался на ногах. Где-то за спиной возмущалась брошенная клиентка. Лаира метала взглядом молнии, обещая вселенские муки.

Ему было плевать!

Он не мог отдать свою избранницу другому мужчине.

А значит, придется предстать перед ней в качестве курто и соблазнить, пока этого не сделал Лис или другой мужчина из «Шипов».

О, святой огонь! Сейчас он будет пытаться понравиться своей истинной паре. Но не как гордый дракон из древнего рода, а как шлюха, как мужчина, продающий себя за деньги.

Ни разу в жизни Дьяр не пытался выглядеть соблазнитель-

но и сейчас, приближаясь к своей избраннице, понятия не имел, как себя вести.

Как другие курто? Те старались привлечь внимание клиенток томными взглядами и развратными позами, но начини Дьяр им подражать, наверняка выставит себя посмешищем. В каждом его движении будет сквозить неловкость, на лице – читаться унижение.

Что тогда?

Как заставить прекрасную блондинку выбрать его, Дьяра, а не Лиса, куда более опытного и раскрепощенного.

Краем глаза дракон заметил, что отвергнутая клиентка отправилась жаловаться Лаире, но не повел и ухом.

Пусть жалуется. Завтра ему не поздоровится, но сегодня он, возможно, прикоснется к любимой, а это стоит всей боли мира.

Два метра до дивана, на котором она сидит.

Один метр.

Он должен заговорить. Что-то сказать. Что именно?

Еще минуту назад избранница смущенно озиралась по сторонам, но вот заметила приближающегося к ней курто, и теперь взгляд ее прекрасных голубых глаз был прикован к Дьяру. Под этим взглядом дракон еще больше вспыхнул и оробел.

Его избранница. Его истинная пара. Смотрит на него и видит перед собой шлюху, жалкое отребье, продающее себя за деньги.

Он шел, и каждый шаг был мучением. Дощатый пол холодил босые ступни. Черная краска на веках казалась тяжелой и тянула эти самые веки вниз. Вместе с потом она попадала в глаза и начинала их жечь. Вот как сейчас.

Дьяр заморгал, пытаясь избавиться от ощущения инородных частиц на слизистой. Не помогло. Тогда с чувством неловкости и досады он потер глаза, но только размазал краску по лицу. Теперь он ощущал ее не только на веках, но и на скуле, и на виске. Неопрятный, должно быть, вид. И еще более вульгарный, чем раньше.

Остановившись перед избранницей, Дьяр растерялся. Подумал, что надо игриво улыбнуться, но уголки губ дернулись в короткой нервной гримасе. Ничего соблазнительного.

«Скажи ей что-нибудь!» – мысленно приказал он себе и продолжил молчать.

Девушка нарушила тишину первой. Красная и не менее взволнованная, чем Дьяр, она отвела глаза и прошептала куда-то в сторону:

– Холодно сегодня, не так ли? Погода совсем испортилась.

С тех пор как Дьяр обзавелся рабским ошейником на горле проблема плохой погоды его больше не касалась: вот уже неделю он был заперт в «Шипах» и ничего не видел, кроме четырех стен.

Тем не менее дракон ответил:

– Утром был дождь. – И весь затрепетал при мысли, что говорит с истинной.

Он говорит с истинной!

Она так близко, что он может разглядеть аккуратную родинку на ее щеке, почувствовать сладкий, волнующий аромат женской кожи.

– Ах да! – прекрасная блондинка охотно ухватилась за нить беседы. – Я как раз попала под дождь, когда шла... – И тут она вздрогнула, будто вспомнив, с кем общается.

С мужчиной, предлагающим себя как товар.

Ее щеки, и без того пунцовые, запылали ярче.

– Садись, – опустила она ресницы и подвинулась на диване, приглашая Дьяра устроиться рядом. – Меня зовут Арабелла. А тебя?

Арабелла.

Этот набор звуков перышком защекотал пространство между ребрами.

Смакуя, как конфету, Дьяр несколько раз повторил про себя: «Арабелла, Арабелла», – и почувствовал, как в груди разливается тепло.

Арабелла. В переводе с древнеиманского «Прекрасная лилия». Нежный и изящный цветок.

О, святой огонь, как ей подходит!

Опускаясь на диван подле истинной, Дьяр заметил, что Лиса перехватила некая госпожа с пышной прической и увела за ширму из живых растений. Какая удача! Теперь рыжий прохвост не сможет помешать его планам, не вклинится между ним и Арабеллой и не перетянет ее внимание на себя.

Внутреннее напряжение немного ослабло. Дышать стало легче, но Дьяр по-прежнему ощущал себя слишком голым, слишком уязвимым. И эта краска на лице, указывающая на его постыдное ремесло...

Все шлюхи в Имании красили лица. Женщины – губы, мужчины – глаза.

– Ты давно... – Арабелла нервно комкала ткань платья на коленях. – Давно этим занимаешься?

Как будто окатили ледяной водой и одновременно ударили под дых!

О, пламя небес! Его истинная спрашивает, как давно он спит с женщинами за деньги!

И что ответить?

– Неделю, – прохрипел Дьяр, не зная, чего хочет больше, – завывать, начать крушить все подряд или забиться в какой-нибудь темный угол, где его никто не увидит.

На самом деле он еще не успел обслужить ни одну женщину: не срослось, большую часть из этих семи дней Дьяр провел в комнате боли, срывая голос от крика и пытаясь не сойти с ума от страданий, физических и душевных. Но в «Шипах» он уже неделю. Самую длинную неделю в своей жизни.

Сгорая от стыда, Дьяр незаметно вцепился пальцами в собственное бедро. Смотреть на Арабеллу было мучением, и он уставился на свои босые ноги. Сбитые в кровь босые ноги, смуглые, с некрасиво отросшими ногтями, стоящие на полу рядом с женскими туфельками, что изящно выгляды-

вали из-под длинной юбки.

– Подожди здесь, – хрустальным колокольчиком прозвенел рядом голосок его истинной. Она обратилась к нему мягко и ласково, словно целительница к больному, которого очень жалела. – Я сейчас оплачу твоё время, и мы переместимся наверх.

Зашуршали юбки – Арабелла встала с дивана.

Наблюдая за тем, как она идет к Лаире, Дьяр отчетливо осознал: его сейчас купят. Девушка, которую он полюбил с первого взгляда, вот-вот заплатит за его тело. Они поднимутся в спальню, разденутся и...

Проклятые ледяные бесы!

Он должен был ухаживать за своей истинной, дарить ей огненные фигуры, соблазнять своими шикарными крыльями, станцевать для нее ритуальный брачный танец и только потом, обручившись, отвести на супружеское ложе.

Вместо этого, его купят и поимеют, как шлюху.

Глава 2

– Вот, возьми, – Лаира протянула ему пузырек с бесцветной жидкостью. – Примешь, если возникнут проблемы. Хотя какие проблемы могут быть с такой-то красоткой? – Смотрительница «Шипов» стрельнула глазами в сторону Арабеллы. – Но если все же возникнут, выпей зелье незаметно. Клиентка должна чувствовать себя привлекательной. Должна верить, что у тебя встает на ее прелести, а не благодаря волшебной микстуре. Понял?

О, святой огонь! Слушать Лаиру было сущим унижением. Мерзкая сутенерша рассказывает ему, как обращаться с истинной. Сует в руки возбуждающее пойло. В поясном мешочке у нее звенят монеты, заплаченные за его тело.

Какой позор!

– У тебя ведь первый раз? Ну, с женщиной.

Дьяр промолчал. Что проклятая Лаира имела в виду? Первый раз вообще или в качестве шлюхи?

Дьяр не был девственником. На его родном острове добрачные связи осуждались, но и мужчины, и женщины проходили обряд посвящения. В храме любви служанки богини Афлоситы в течение трех дней учили молодых драконов чувственным удовольствиям, используя свои тела в качестве инструмента.

В зале наслаждений бесстыдные жрицы описывали Дьяру

главные эрогенные точки на теле женщин, показывали любовные игры и все формы близости. В те дни, сто лет назад, Дьяр по традиции лишился невинности, и с тех пор подобного опыта у него не было. Время похоти сменилось порой воздержания. Как и все, он ждал свою истинную пару, чтобы сочетаться с ней законным браком на горе Трех Святынь в центре пылающего огненного круга.

Дождался.

Вот его истинная пара. Купила его за деньги.

Поднимаясь за Арабеллой по лестнице, в одну из гостевых спален второго этажа, Дьяр чувствовал неловкость. И стыд, и жуткую злость на ситуацию, в которой оказался.

Унизительно. Все должно было происходить не так. Не так! Арабелла, его избранница, должна была смотреть на Дьяра с уважением и восхищением. Как на равного. Как на своего будущего защитника. Как на красивого богатого мужчину, под чьим крылом мечтает оказаться любая.

Вместо этого во взгляде Арабеллы читалась оскорбительная жалость.

Даже не желание – жалость.

Истинная не любовалась полуголым телом Дьяра, не поглядывала с интересом на его литые мускулы – она ему сочувствовала. А где сочувствие, там и брезгливость, и скрытое, часто неосознанное презрение.

Мужчину не надо жалеть – им надо гордиться. А уж если этот несчастный вызывает у красавицы только жалость, зна-

чит, упал ниже некуда, стал ничтожнее червяка.

От этих мыслей в венах Дьяра кипела бессильная злость, но, невзирая на смущение и стыд, по коже гулял зуд предвкушения. Арабелла шла впереди. Дьяр смотрел на ее тонкую талию, покатые плечи, каскад светлых волос, закрывающих спину, и в его чреслах разгорался огонь – никакого возбуждающего зелья не надо!

О, как он ее хотел! Даже сейчас, в своем унижительном положении, с рабским ошейником на горле, Дьяр с трепетом представлял, как прикоснется к возлюбленной. Уже скоро он увидит ее без одежды. Еще пара минут – и сможет дотронуться. Не верилось.

Нашел. В таком месте. Они познакомились всего час назад, а уже собирались соединиться так, как позволено лишь супругам. Это вопиющее нарушение морали одновременно возмущало Дьяра и заводило, заставляя дрожать от целого коктейля эмоций.

Будь его истинная драконицей и встретиться они не здесь, а на его родном острове, то еще год после помолвки гуляли бы под луной за ручку. Объятия и невинные поцелуи – все, на что имели право жених и невеста.

А тут постель. В первый же день знакомства. Арабелла даже не знала его настоящего имени. Дьяр не сказал.

Как жаль, что магия истинности работала только в одну сторону, поработавшая исключительно мужчин, делая их зависимыми от своих пар. Это была месть Афлоситы сильно-

му полу, после того как ее отверг Великий бог ветра Амонис, покровитель драконов. Это она, Афлосита, брошенная и страдающая от неразделенной любви, прокляла мужчин его расы, заставив всю жизнь сгорать от чудовищной страсти к одной-единственной женщине. При этом не всякая избранница отвечала поклоннику взаимностью. Порой ее сердце приходилось долго и упорно завоевывать.

Тем не менее на острове было проще. Там каждая девушка четко понимала, что может связать жизнь лишь с одним мужчиной, предназначенным ей судьбой. Даже если не любит, даже если испытывает симпатию к другому. Ибо тот другой, не ее истинный, тоже со временем найдет настоящую пару. Выбора нет: бери, что дают, или останешься одинокой.

Арабелла не была драконицей, не жила на закрытом острове с населением в тысячу семей, этот закон для нее не действовал. Она могла найти себе какого угодно мужа. Свободного. Достойного. И даже не узнать, что была для кого-то той самой, единственной.

Достигнув вершины лестницы, Арабелла ненадолго остановилась и взглянула на Дьяра через плечо.

– Я впервые покупаю мужчину, – зачем-то сказала она. Наверное, чтобы оправдать свое волнение.

От этого признания Дьяру стало легче. Не хотелось думать, что его истинная – распутница, погрязшая в пороке.

Кроткая, с розовыми от неловкости щеками, Арабелла не выглядела развратницей – скорее, нежным цветком,

зачем-то решившим макнуть свои прекрасные лепестки в грязь.

Что она забыла в борделе? Зачем пришла в такое мерзкое место?

Одна за другой мысли завертелись в голове.

Может, Арабелла хотела лишиться невинности? Что, если у людей, как и у драконов, принято получать первый опыт плотской любви до брака? Что вообще он знает о местных традициях? Ничего. Практически ничего.

Или для его истинной это – игра? Способ пощекотать нервы?

«Сейчас и выясню», – подумал он, открывая перед Арабеллой дверь и пропуская ее, смущенную, в темную спальню с задернутыми шторами.

* * *

Арабелла сама зажгла свет – вытянула руку, и над ее ладонью затрепетал фигурный огонек, похожий на бабочку, хлопающую крыльями.

Когда-то Дьяр и сам умел проделывать этот трюк. Теперь любая попытка колдовать приводила к тому, что стальной ошейник на горле сжимался, перекрывая дыхание.

Беспомощный. Они сделали его беспомощным. Совершенно беззащитным.

Деревянные доски скрипнули под ногами, когда девушка прошла глубже в комнату. Огненный мотылек слетел с ее руки. Миг – и в воздухе порхали уже две, три, четыре ба-

бочки, объятые пламенем. Часть из них опустилась на столбики кровати, огромной, занимающей половину пространства. Другие принялись кружиться под потолком, словно играя друг с другом в догонялки.

Зябко обнимая себя за плечи, Арабелла остановилась напротив занавешенного окна, спиной к Дьяру. В эту минуту она казалась ему невероятно хрупкой, близкой и далекой одновременно. Он ничего о ней не знал, но проклятие богини Афлоситы уже заставило его влюбиться в свою избранницу по уши.

Это было так странно – всем сердцем тянуться к незнакомке, пусть и прекрасной, как весеннее небо.

Тянуться к человеку. К женщине другой расы.

Залюбовавшись, Дяр даже на секунду забыл о своем рабском положении, о том, зачем вообще поднялся сюда, в гостевую спальню.

А потом вспомнил и ощутил во рту горький привкус желчи.

Сейчас они займутся любовью. Не любовью – сексом. Продажным сексом за деньги.

А он хотел бы поговорить. Хотел бы вместе опуститься на кровать, но не за тем, чтобы слиться в экстазе физической близости, – чтобы просто побеседовать. Слушать нежный голос избранницы. С каждым словом узнавать о ней все больше и больше. Чем она живет, какие книги любит, как поздно ложится спать и какой сорт чая предпочитает по утрам.

Спрашивать и отвечать на вопросы.

Этого он хотел бы сейчас, а не бездумного животного совокупления, пусть даже желание в ключья раздирало его форменные штаны.

Арабелла молчала, по-прежнему стоя у окна. Дьяр ее не торопил. Видел, как сильно она нервничает, как неловко себя чувствует в его присутствии. Невинная лилия, решившая запачкать лепестки.

Незаметно он повел бедрами, пытаясь ослабить напряжение в паху. Все-таки униформа курто, эти брюки, слишком тесные, слишком узкие, были не предназначены для того, чтобы терпеть возбуждение долго.

Может раздеться?

Почему бы и нет? Они ведь за этим сюда пришли. Не за разговорами по душам.

Дьяр решил, что терпеть неудобства нет смысла – проклятые штаны уже пережали ему все, что только можно, – и потянулся к трем передним пуговицам на ширинке.

Услышав шорох ткани, Арабелла наконец обернулась и, увидев за собой голого мужчину, едва не вскрикнула.

– Что ты делаешь? – прошептала она, краснея и пряча взгляд.

В островке света от магических лампочек-мотыльков Дьяр выпрямил спину и расправил широкие плечи, словно намеренно демонстрируя истинной свое гибкое сильное тело, свою идеальную мужскую красоту. В конце концов, это един-

ственное, что у него осталось, – красота. Все другое, чем он мог покорить избранницу, у него украли.

– Оденься, пожалуйста, – попросила Арабелла, глядя куда угодно, только не в его сторону. Она так отчаянно смущалась, словно ни разу в жизни не видела обнаженного мужчину.

– Зачем? – удивился Дьяр. – Ты заплатила за ночь со мной и... – Он осекся.

А вдруг любимая купила его на час, не на всю ночь – на один жалкий час? Он же с ума сойдет, если после Арабеллы, этой нежной лилии, ему придется вернуться в душные объятия местных каракатиц. Его же стошнит прямо на их дряблое декольте.

– Сколько у нас времени? – торопливо выпалил Дьяр, скривившись от того, как подскочил пульс.

– До утра, – отозвалась Арабелла, но тихо, неуверенно, словно сомневаясь, не сбежит ли раньше.

До утра.

Внутренние тиски разжались, и сердце перестало долбить по ребрам.

Впереди у них была целая ночь. Несколько часов рая, после которого придется вернуться в ад.

– Надень штаны, – снова попросила Арабелла хрипловатым голосом, и Дьяр заметил, что она нет-нет да поглядывает на его тело. Украдкой, с любопытством неискушенной девственницы. Бросает взгляд и тут же отводит в сторону.

– Ты заплатила за то, чтобы я оставался в одежде?

С неприязнью Дьяр покосился на свои штаны, небрежно кинутые на пол. При всем желании не получилось бы натянуть их обратно: эта тесная тряпка не могла вместить его возбуждение. Пока мужское достоинство Дьяра так крепко стоит, пытаться одеться бесполезно. Он просто не застегнет ширинку.

– Давай сначала поговорим. – В этот раз взгляд Арабеллы скользнул ему ниже пояса. Забывшись, избранница распахнутыми глазами уставилась на мощный, переполненный желанием член и даже слегка приоткрыла рот, впечатленная размерами. Какое-то время она таращилась на него, как замороженная, затем резко отвернулась.

– Прикройся.

Дьяр подчинился – стянул с кровати плед и обмотал им бедра.

– Что теперь?

– Теперь? – Арабелла растерялась, будто сама не знала, зачем его купила.

– Ты хочешь... хочешь, чтобы я лишил тебя... невинности? – Дьяр был уверен, что угадал.

Иначе как объяснить робость девушки, ее горящие щеки, эту трогательную нерешительность? Арабелла собиралась с духом, прежде чем озвучить свои желания, и, как всякая девственница, испытывала мучительную неловкость. Да, так и есть. Никаких сомнений.

Путаясь в одеяле, Дьяр шагнул в сторону избранницы, и та испуганно вскинула ладонь, чтобы его остановить.

– Нет.

– Тебе нужно время, чтобы привыкнуть ко мне? – Он вдруг понял, что до безумия, до жуткого зуда в пальцах желает ее коснуться. Своей любимой. Своей единственной.

– Нет, то есть... – Арабелла опустила руку, ибо Дьяр больше не пытался к ней приблизиться.

Снова робкий девичий взгляд скользнул по выпуклым грудным мышцам, по кубикам пресса, по возбуждению, которое не могла скрыть плотная ткань.

В паху отчаянно ныло, горело, пульсировало. Дьяр чувствовал, как мелко сокращаются мышцы внизу живота.

– Чего ты от меня ждешь? – спросил он у Арабеллы. – Что мне сделать?

– Ляг, – девушка судорожно сглотнула. – Ляг на кровать.

Ее взгляд метнулся к разбуренной постели, которая своими размерами словно намекала: это королевское ложе используют не для сна. Белые простыни были туго натянуты на матрас, высокие подушки – хорошо взбиты, плотное покрывало – сдернуто с кровати и обмотано вокруг бедер Дьяра.

Взглянув на это поле для любовных утех, Арабелла заломила руки и нервно щелкнула суставами пальцев.

Из соседних спален, слева и справа, доносились стоны. Протяжные, сладострастные. В основном женские, но иногда – наигранные мужские.

Арабелла притворялась, что не замечает их – пошлые звуки, для которых картонные стены не преграда.

Дьяр, наоборот, прислушивался и думал: «Это то, зачем мы сюда пришли. То, что нас ждет, когда любимая наберется храбрости».

Охваченный трепетом предвкушения, он обогнул кровать. На резных столбиках у изножья хлопали крыльями мерцающие, рожденные магией мотыльки. Их длинные усики-антенны слегка подрагивали и были направлены в сторону Дьяра.

На матрас он опустился с дальнего от избранницы края, и постельные пружины скрипнули под его весом, заставив Арабеллу вздрогнуть. Она сама была как взведенная пружина, как натянутая до предела струна: того и гляди порвется.

– Я сделал то, что ты хотела. Что дальше? – Дьяр устроился на кровати. Ноги вытянул, спиной оперся на изголовье, руки сцепил в замок и сложил на животе.

Арабелла наблюдала за ним в неловком молчании. Стоны наполняли комнату. Время от времени из-за стены доносились отдельные слова и фразы, но Дьяр не пытался их разобрать. На любимую он не смотрел – не хотел смущать своим жадным взглядом.

Стыд никуда не исчез, но поблек на фоне животной похоти: та разгоралась стремительнее лесного пожара. Дьяр чувствовал, как намокает ткань одеяла, прижатая к паху. Чув-

ствовал болезненные спазмы внизу живота. Запах Арабеллы, чистый, тонкий, забивал ноздри, и мошонка тяжелела, подтягиваясь под член, а соски твердели и сладким покалыванием реагировали на прохладный воздух.

Так и проявляется истинность? Ты становишься зависимым. Ощущаешь себя грязным псом, готовым тереться о ноги хозяйки в мольбе о ласке.

– Я впервые в такой ситуации, – призналась Арабелла, и краем глаза Дьяр заметил, как она комкает ткань юбки.

– Просто скажи, что мне делать, – прохрипел он и облизал губы. Безумно хотелось нырнуть ладонью под одеяло и стиснуть себя между ног – там, где пульсировал живой огонь.

Каждое утро в течение последних ста лет Дьяр ласкал свое тело, представляя, что это пальцы истинной играют с его возбужденной плотью, что это ее рот или лоно сжимают член. Не верилось, что грезы вот-вот воплотятся в реальность.

– Мне сложно объяснить, зачем я тебя купила, – прошептала Арабелла на грани слышимости.

– Понимаю, – кивнул Дьяр, сходя с ума от желания и одновременно испытывая гадливость к своему оскверненному телу. – Первый раз – это всегда очень волнующе. Особенно для девушки. Обещаю, что не сделаю больно. У меня есть опыт. Меня учили доставлять женщинам удовольствие.

Он имел в виду опыт с жрицами Афлоситы в храме богини любви на своем родном острове, но потом с досадой понял, что его слова, скорее всего, истолковали неверно. Про-

клятие! Теперь истинная решит, что он не просто шлюха, а шлюха на все готовая и довольно потасканная.

– Ты сказал, что неделю здесь. – И снова эта унижительная жалость во взгляде.

Прекрасные глаза Арабеллы до краев наполнились сочувствием. В них можно было отчетливо прочитать ее мысли: «Всего неделю в доме терпимости, а тебя уже успели всему обучить и надрессировать?»

«Нет, нет, – хотел возразить Дьяр. – Я только с тобой такой. Доступный и согласный выполнять любые прихоти. Другие не дождутся от меня даже поцелуя. Знаешь, сколько времени я провел в комнате боли из-за своей несговорчивости?»

Он открыл было рот, чтобы оправдаться, но, вместо этого, стиснул кулаки и сухо сказал:

– Тебе будет хорошо со мной. Для первого раза я – лучший вариант.

Пусть хотя бы невинность она потеряет с ним. Пусть он станет ее первым мужчиной, раз замуж она, скорее всего, выйдет за другого. За какого-нибудь статусного богача, чинного аристократа, знатного лорда. Нарожает ему детей, отдаст свою красоту и молодость. А Дьяр продолжит гнить в борделе, ублажая развратных старух, и все, что у него останется, – воспоминания об этой ночи.

– Я пришла сюда не ради удовольствия, – покачала головой Арабелла, и Дьяр уставился на нее с недоверием. – И не

чтобы... – она взмахнула рукой в попытке подобрать слова. – Мне нельзя. Нельзя до брака. Я – волшебница.

Дьяр нахмурился.

Если у человеческих девушек принято хранить себя до свадьбы, то, что Арабелла забыла в борделе?

– Ты не понимаешь, верно? – Замешательство собеседника словно предало Арабелле смелости. По крайней мере, она перестала так ужасно смущаться. – Ты ведь из расы драконо-людей? Эти полосы чешуи на твоём лице...

– Драконов, – мягко поправил Дьяр. На обеих щеках у него действительно серебрились две тонкие симметричные полосы чешуи. Они подчеркивали скулы, визуально делали лицо более худым и выразительным. – Мы не считаем себя людьми.

– Извини. Вы всегда жили очень закрыто. Мы почти ничего о вас не знаем.

Она осторожно опустилась на краешек постели, явно радуясь возможности отвлечь себя от неловкой ситуации разговором.

– У вас по-другому? Ваши девушки не берегут себя для мужа?

– Берегут. И мужчины, и женщины терпеливо ждут своих избранников. Но сначала получают опыт чувственных удовольствий, чтобы уметь порадовать любимых.

Взгляд Арабеллы остекленел. Она задумчиво уставилась в точку над плечом Дьяра.

– Вот как. А нас всю жизнь убеждают, что, потеряв невинность до свадьбы, можно лишиться магической силы. Получается, это неправда? – Тонкие крылья носа затрепетали, пальцы смяли ткань платья на коленях. – Так и знала, что это – очередная попытка манипулировать молодыми девицами. Принудить нас к целомудрию. После Кровавой бойни у Дома советов «Закон о непорочности» пришлось отменить, и они нашли другой способ контролировать женщин и их свободу.

Дьяр уставился на Арабеллу во все глаза. Секунду назад на постели рядом с ним сидел робкий, нежный цветок, но вот этот цветок ощерился шипами и словно покрылся металлической броней. Вид у Арабеллы сделался решительный, даже воинственный. С таким – бросаются на баррикады.

– Наши женщины не владеют магией, – сказал Дьяр, и из груди Арабеллы вырвался разочарованный вздох, словно ей очень хотелось возмутиться несправедливостью мира, но, к сожалению, отняли повод.

– Хм. Не владеют, потому что имели добрачную связь? Или не владеют в принципе?

Дьяр пожал плечами, и Арабелла тихо пробормотала себе под нос:

– Все равно это ничего не доказывает. Раньше был закон, а теперь они используют ложь, чтобы по-прежнему держать нас в цепях.

Девушка шумно выдохнула, и Дьяр поймал себя на мысли, что происходящее кажется ему все более и более абсурд-

ным. Его ожидания не оправдывались, а истинная вела себя подозрительно и странно. Зачем покупать курто, если не собираешься с ним спать, если убеждена, что близость до брака превратит тебя из волшебницы в обычного человека?

– Что ты делаешь в доме удовольствий? – спросил Дьяр совершенно растерянно.

Вместо ответа Арабелла потянулась к его ошейнику. Сначала Дьяр этого не понял – решил, что любимая хочет к нему прикоснуться, к его широким плечам или рельефной груди. Он даже замер в предвкушении – наконец-то! – но изящные пальцы истинной опустились на ненавистную полоску металла вокруг его горла.

– Сложный узор, – задумчиво хмыкнула Арабелла, изучая оковы. – Я обратила внимание, что ошейники у всех курто разные. Это так?

Дьяр растерялся еще больше. Так и подмывало спросить, что происходит. Как-то резко беседа повернула в другое русло, а взгляд Арабеллы из смущенного сделался цепким и пристальным.

– Возможно. Я не всматривался.

Он осторожно выдохнул. От близости истинной, от ее запаха закружилась голова.

– Они ведь блокируют магию? – продолжала допытываться Арабелла, и у него сложилось стойкое впечатление, что эти странные вопросы она задает не просто так, не от скуки, не из праздного любопытства.

Какую цель она преследует?

– Блокируют, – подтвердил Дьяр и добавил с горечью: – Иначе как бы нас здесь удержали? Ошейник реагирует на любую попытку применить колдовство или физическую силу. Мы не можем навредить ни хозяйке борделя, ни охранникам. Чары, вплетенные в эти руны, – он провел пальцем по рельефной вязи на кольце металла, – не дают курто выйти на улицу. Или ты думала, что мы добровольно ублажаем всех этих мерзких каракатиц?

Что-то похожее на обиду закопошилось под ребрами.

– Нет, я так не думаю. – Арабелла отодвинулась, а потом сделала то, чего ни один курто не мог ожидать от клиентки, – ласково укрыла дракона одеялом.

Вообще-то он и без того был им укрыт. Частично. Но Арабелла расправила ткань таким образом, чтобы под одеялом оказались не только бедра, но и обнаженные ноги, и грудь. Так любящая жена кутает больного мужа, проявляя внимание и заботу.

От этого простого жеста внутри поднялась горячая, обжигающая волна, колючий ком застрял в горле, а на глаза навернулись слезы. В груди защемило – так вдруг стало приятно, тепло, светло.

За неделю в борделе Дьяр привык, что человеческие руки несут только боль, а тут нежность. Впору расчувствоваться.

Устыдившись собственной слабости, дракон отвернулся и украдкой вытер глаза, окончательно размазав по лицу чер-

ную краску.

– Хочу, чтобы ты знал, – прошептала Арабелла. – Я не одобряю «Закон о поганой крови». Это ужасно – то, что люди творят с представителями других рас.

«Закон о поганой крови». Из-за него Дьяр оказался в доме терпимости. И ему, можно сказать, повезло. Гномы, русалы, рогачи – все, кто в глазах людей не обладали привлекательной внешностью, шли в расход. Их истребляли, а вот драконов, эльфов и оборотней запирали в увеселительных заведениях. Спрос на экзотических любовников был огромен, за счет их необычной красоты пополняли казну.

Местный маг, захвативший власть, объявил всех нелюдей вне закона и решил очистить от них Иманию. Каратели чудом не успели добраться до Драконьего острова. Глава рода, прежний хранитель Огня, сумел отрезать этот маленький пятачок суши от большого мира. Он окружил остров петлей безвременья, невидимой границей, пересечь которую можно лишь изнутри. Чем Дьяр и воспользовался, совершив самую страшную ошибку в своей жизни. Покинув родину, он угодил в бордель. И встретил истинную. Только это уже не имело значения.

Арабелла продолжила свои подозрительные расспросы, и Дьяр окончательно понял, что на физическую близость рассчитывать не стоит. Понял и ощутил острый укол разочарования. Тело не желало успокаиваться. В присутствии истинной возбуждение становилось невыносимым, и Дьяру при-

шлось прикрыть пах подушкой: одеяло топорщилось домиком, это смущало.

– Всего в «Шипах» девять курто, и у каждого свой собственный ошейник с уникальным замком, – рассуждала вслух Арабелла, расхаживая по комнате.

Дьяр наблюдал за ней с каким-то мучительно-сладким чувством. Хотелось, чтобы любимая села рядом на кровать, хотелось почувствовать ее близость, но даже слушать тихий девичий голос было удовольствием. И Дьяр наслаждался, мечтая, чтобы ночь длилась и длилась, чтобы за окном никогда не рассвело.

– Скажи, – повернулась к нему Арабелла, – когда мадам Пим-глоу застегивала на тебе ошейник, то читала запирающее заклинание по памяти или оно у нее было где-то записано?

– Почему ты спрашиваешь? – прищурился дракон.

– Любопытно.

Судя по тому, как напряглись плечи истинной, она соврала, но Дьяр не стал никак это комментировать.

– Не знаю. Я был в отключке.

Вид у Арабеллы сделался разочарованный.

– Вряд ли она могла запомнить все девять заклинаний, – прошептала девушка, словно обращаясь к самой себе.

Из соседней комнаты продолжали доноситься женские и мужские стоны. Теперь к ним добавился ритмичный звук ударов: это кроватное изголовье билось о стену. Дьяру даже

стало немного завидно, и он крепче вжал подушку в ноющий пах.

– Отдохни, – сказала Арабелла. – Можешь поспать. Хотя бы этой ночью никто тебя не тронет.

Жалость? Неужели она купила его из жалости? Подобрала, как котенка, выброшенного на улицу, чтобы подарить несколько часов спокойствия и отдыха. Эдакий акт благотворительности и милосердия.

– Я не устал, – процедил дракон, ощутив серьезный удар по самолюбию.

Он-то думал, что привлек Арабеллу как мужчина, а оказалось: она просто ему сочувствует – бедненький, всего неделю назад продан в бордель, еще не успел привыкнуть к новой жизни, свежий и незапачканный, надо его пожалеть.

От унижения Дьяр заскрежетал зубами.

– И все равно поспи. Эти твари заставляют вас работать всю ночь. – Арабелла подошла к окну и слегка отдернула штору.

С горечью Дьяр заметил, что небо над крышей соседнего дома начало бледнеть. Время в раю истекало. Ад готовился распахнуть для него объятия.

Глава 3

Домой, в уютный городской коттедж на улице Роз, Арабелла вернулась около девяти. Слуги уже накрывали завтрак в малой гостиной, но отец с матерью к столу еще не спустились, а значит, могли не заметить ее ночной вылазки.

Хоть бы это было так! Иначе не избежать объяснений, а утренний кофе и допрос с пристрастием, на взгляд Арабеллы, сочетались плохо.

По лестнице бунтарка поднималась с тревожно колотящимся сердцем и успокоилась, только оказавшись в собственной спальне и подперев спиной закрытую дверь.

Фух, пронесло. А могла бы попасться, не будь ее родители убежденными совами.

Весь день и всю ночь Арабелла провела на ногах, но сна не было ни в одном глазу: энергия ее просто переполняла, кипучая, неумная, бьющая через край. Расчесывая волосы, растрепанные злым ветром, девушка ощущала странную нервозность. Арабелла почистила зубы, сменила помявшееся за ночь платье, слегка похлопала себя по щекам, пытаясь избавиться от нездоровой бледности, и все это время перед внутренним взором маячил образ вчерашнего курто. Никак не получалось выбросить его из головы.

Мужчина был красив. Его экзотическая внешность поражала воображение. Ни у кого Арабелла не видела таких чер-

ных глаз, такой смуглой с красноватым отливом кожи. А две полосы чешуи под острыми скулами! А темная краска на веках и по линии роста ресниц!

Эта краска на красивом мужском лице выглядела так порочно, так необычно и вызывающе, что сердце сладко замирало от воспоминаний.

Неправильно. То, что Арабелла чувствовала, было неправильно. Макияж – отличительный знак рабов для утех. Находить эту вульгарную раскраску привлекательной все равно, что возбуждаться при виде цепей и кандалов.

Рассердившись, Арабелла попыталась избавиться от навязчивых образов, наводнивших голову, но почти сразу поймала себя на еще более возмутительной мысли. Она поняла, что до безумия хочет вернуться в бордель и снова купить этого привлекательного мужчину с яркими подведенными глазами.

«О чем ты только думаешь! Как так можно! – тут же отругала себя Арабелла. – Он ведь не хочет там находиться. Покупая его, ты поддерживаешь рабство, становишься соучастницей насилия».

Она нервно покрутила пуговицу на платье.

«Да, да, соучастницей насилия над живым существом!»

В первый раз ей пришлось купить курто ради благого дела, пусть это и противоречило ее принципам. По своей воле Арабелла ни за что бы не явилась в бордель, но женщины из тайного общества, в котором она состояла, отправи-

ли ее в «Шипы» за информацией. Все, что требовалось для их плана, Арабелла выяснила. Если она снова пойдет в дом удовольствий, чтобы купить мужчину, оправданий для этого омерзительного поступка у нее уже не будет.

Никакого оправдания, кроме собственного эгоистичного желания снова увидеть прекрасного пленника.

– Рабство – это отвратительно, – прошептала Арабелла, вспоминая, как обернулась и увидела курто голым. – С другой стороны, – произнесла она вслух, прочистив резко пересохшее горло, – я ведь не собираюсь его ни к чему принуждать. Наоборот, со мной он сможет отдохнуть от своей ужасной работы.

Поняв, что торгуется с совестью, Арабелла разозлилась на себя еще сильнее.

Ей до безумия, до ломоты во всем теле хотелось повторить сегодняшнюю ночь, провести с продажным красавчиком еще немного времени наедине, но купить его означало предать свои убеждения.

«Нельзя пользоваться чужим зависимым положением. Это низко и подло».

Стремительной походкой она пересекла комнату, прошла от окна до шкафа и остановилась напротив зеркала.

– Но что плохого в том, что я подарю ему немного свободных от работы часов? – спросила Арабелла у своего отражения. – Оплачу его время, а он пусть делает, что хочет. Спит или, например, читает. Я же не буду его насиловать. Наобо-

рот, спасу от других клиенток, пусть даже всего на одну ночь.

Она зажмурилась, стараясь не думать, как сильно ее тянет к этому рабу, не вспоминать его пошло накрашенные глаза, сухой рельеф мышц и кое-что еще – то, что она успела увидеть, прежде чем курто обернул бедра одеялом. Интимную, запретную часть тела, отличающую мужчин от женщин.

«Вот как у них там все, оказывается, устроено», – покусала губы Арабелла.

Длинная толстая палка, торчащая у курто между ног, выглядела одновременно и смешно, и угрожающе.

«Ходить с такой штуковиной, наверное, неудобно. А штаны не жмут? Ох, о чем ты думаешь? Тебе не стыдно?»

Она заставила себя отлипнуть от зеркала и, глубоко вздохнув, отправилась завтракать.

Пока Арабелла спускалась по лестнице, часы пробили половину десятого. Родители уже сидели за столом. Мать изящным движением размешивала сахар в чае – водила маленькой серебряной ложкой строго по центру кружки, стараясь ни в коем случае не задевать ни дно, и фарфоровые стенки, чтобы вульгарным звоном не нарушать столовый этикет. Отца не было видно за раскрытой газетой, которую он держал в руках.

Первые несколько минут тело гудело от напряжения. Арабелла боялась и подсознательно ждала неудобного вопроса. Того, что мать прекратит свое медитативное помешивание, а отец отложит газету в сторону и сердитым тоном поинте-

ресуется, где она, единственная наследница Челтонов, шлялась ночью.

Но мать только тихо и как-то флегматично вздохнула: «Вот и ты». А отец даже не прервал чтения.

Завтракали по традиции в полном молчании. Под конец Арабелла даже смогла расслабиться, но тут глава семейства вынырнул наконец из колонок печатного текста и сказал:

– Вечером познакомишься со своим женихом.

Женихом?

Сдобная булочка, пропитанная кремом, выпала из пальцев Арабеллы прямо на белоснежную скатерть.

Это что получается? Отец сам выбрал ей будущего мужа? И даже не спросил согласия? Просто поставил перед фактом? И это в просвещенный век, когда женщины и мужчины получили равные права!

Светлые брови Арабеллы гневно сошлись на переносице.

– Я не выйду замуж за первого встречного. За того, кого даже не знаю, – сказала она и с возмущением посмотрела на мать, требуя поддержки. Та выглядела шокированной. Похоже, заявление супруга стало для нее новостью. Однако спорить с мужем Шарлотта Челтон не торопилась. Глянула на дочь с сочувствием и опустила взгляд в свою тарелку.

– Мы не в темные века живем! – воскликнула Арабелла, поняв, что на помощь матери рассчитывать не стоит. – Ты не можешь меня заставить. Это незаконно.

– Неблагодарная, – с невозмутимым видом отец поднес к

губам кружку кофе, будто показывая, что глупая дочь может негодовать сколько угодно: это не изменит его решения. — Я нашел тебе отличную партию. У вас, девиц, в голове не мозг, а ягодный кисель. Нельзя вам доверять такое ответственное дело как выбор мужа.

Арабелла аж задохнулась от возмущения. Снова посмотрела на мать. Та молча комкала лежащую на коленях салфетку. Шарлотта Челтон не привыкла перечить супругу, своему защитнику и кормильцу. Она была из тех тихих, покорных женщин, которые всегда раздражали ее дочь.

До предела взбешенная словами отца Белль даже не смогла ничего ответить — только сердито покачала головой.

Абсурд. Безумие. Так больше не делают. Не продают дочерей чужим мужикам, как скот, как вещь, не используют в своих политических играх как разменную монету.

Нет, она допускала, что некоторые семьи до сих пор живут по диким, темновековым традициям, но всегда считала, что у ее-то родителей взгляды прогрессивные, что с ней-то, умной и современной девушкой, такого кошмара не случится.

А впрочем, Имания — страна свободных взглядов, закон на ее стороне, отец может до посинения искать и навязывать Белль женихов, она не обязана подчиняться его воле. Никто ее не заставит. Без согласия невесты, данного во всеуслышание в храме, без ее подписи на официальных бумагах никакого брака не состоится.

— Чарльз мой ровесник, — продолжил отец, видимо, при-

няв ошеломленное молчание дочери за смирение. – Мужчина в самом расцвете сил и лет. Идеальный возраст для мужа. Именно такой, опытный, мудрый, супруг нужен молодой девушке, у которой в голове гуляет ветер.

У Арабеллы отнялся дар речи.

Замечательно. Отец хочет отдать ее за старика. Вероятно, за своего делового партнера, какого-нибудь рано овдовевшего толстосума, страшного и со скверным характером.

Опытный, мудрый... Легко рассуждать о том, какой супруг нужен молодой девушке, если не тебе ложиться с ним в постель, с этим обрюзгшим опытным мудрецом.

Краем глаза Арабелла заметила, как мать беспомощно прижала бумажную салфетку к губам. С того момента, как речь зашла о женитьбе, она ни разу не взглянула ни на мужа, ни на дочь и вообще упорно притворялась, будто в комнате ее нет.

– У Чарльза есть сын, твой ровесник, – сказал отец, радуясь повисшему за столом молчанию.

«И сына этого, полагаю, никто не пытался женить на женщине в два раза его старше, – с отчаянием подумала Арабелла. – На женщине, годящейся ему в матери».

– А еще у Чарльза твердая рука. Это именно то, что надо такой вздорной и упрямой пигалице, как ты.

Этого Арабелла уже не стерпела. Она резко вскочила на ноги, вздернула подбородок и, полностью подтверждая репутацию вздорной упрямой пигалицы, заявила:

– Ни за какого Чарльза я замуж не пойду.

– Не пойдешь? – Отец прищурился, полоснув по дочери острым, угрожающим взглядом.

– Не пойду. – Еще больше выпрямила спину Арабелла.

– Тогда можешь валить из моего дома на все четыре стороны.

Рядом, за столом, испуганно и изумленно всхлипнула мать.

В первое мгновение Арабелла растерялась. Отец выгоняет ее из дома? За непослушание? Он говорит серьезно или пытается ею манипулировать?

Откинувшись на спинку стула, Артур Челтон смотрел на дочь с самодовольной улыбкой, и в его серых рыбьих глазах все ярче разгорался огонь триумфа.

«Никуда ты не денешься, – словно говорил он. – Подчинишься, потому что полностью зависишь от меня материально».

В свои двадцать два Арабелла и правда нигде не работала – заканчивала Нортемский институт Магии и Колдовских искусств по специальности целебные зелья и лекарское дело. На подоконнике в ее спальне стояла фарфоровая копилка, полная золотых монет, но этих денег было недостаточно, чтобы обеспечить тот уровень жизни, к которому она привыкла.

«И все же на то, чтобы снять комнату и купить еду, моих сбережений хватит», – подумала Арабелла и молча отправи-

лась на второй этаж собирать вещи.

Поднимаясь по лестнице, спиной она ощущала пристальный, торжествующий взгляд отца. Господин Челтон был уверен, что победил, что дочь смирилась со своей участью и сбегала в спальню орошать слезами подушку. Он и подумать не мог, что она действительно вознамерилась свалить из дома – на все четыре стороны, как ей и предложили.

В своей комнате Арабелла опустила на кровать небольшой кожаный чемодан и принялась методично складывать в него платья. На смену гневу пришла решимость. Плотной вуалью девушку накрыло спокойствие, но это спокойствие было временным: под его толщиной, глубоко внутри, уже зарождалась тревога, страх неизвестности.

Что она будет делать одна в большом городе, без работы, без крыши над головой?

Копилку Арабелла засунула в чемодан между стопками нижнего белья, затем покрутила в руках шкатулку с украшениями, которые собиралась сдать в ближайший ломбард, и после недолгих раздумий нацепила их на себя все. Все золотые цепочки, кольца, ожерелья из драгоценных камней, даже нефритовый гребень для волос – за него тоже можно было выручить неплохие деньги.

Крепко сжав ручку чемодана, Арабелла вздохнула и вернулась в гостиную, где за столом все еще сидел, раскуривая трубку, отец. На соседнем стуле мать вытирала салфеткой мокрые от слез щеки.

Скрипнули половицы. Родители подняли на Арабеллу глаза. Кустистые брови господина Челтона взлетели вверх. Увидев дочь с чемоданом в руках, курильщик подавился дымом и закашлялся, и, пока он кашлял, Арабелла успела дойти до входной двери, но только собралась ее открыть, как раздался злой крик.

– Ну и убирайся! – взревел отец. – Давай проваливай. Ночуй под забором. В канаве. Под мостом. Выбор огромный. А завтракать теперь будешь не свежими булочками госпожи Сары, а отбросами, которые найдешь на помойке. Да еще придется побороться за них с уличными собаками.

– Дорогой, пожалуйста, – еще громче заплакала мать, но больше не произнесла ни слова.

Стиснув зубы, Арабелла открыла дверь. В лицо ударил прохладный осенний ветер, ворвался сквозняком в дом, разметал распущенные по плечам волосы. Снаружи все было затянуто серой дымком. Накрапывал мелкий дождь из тех, что влажной паутинкой оседает на коже и одежде.

– Надеешься, что я остановлю тебя, что изменю свое решение? Не дожدهшься! – Отцовский кулак с силой обрушился на столешницу, даже посуда зазвенела. – Пошла вон. Только чемодан оставь. У тебя ничего своего нет. Все куплено за мои деньги. Все твои платья, наряды, побрякушки. Уходишь? Уходи голая.

За спиной судорожно рыдала мать. Плакала и молчала. На секунду Арабелла стиснула ручку чемодана крепче, за-

тем разжала пальцы и услышала, как кожаное днище сумки стукнулось о дощатый пол.

– Мне раздеться? – спросила она на удивление спокойным тоном. Ее поразило то, как ровно и уверенно прозвучал собственный голос. Ноги при этом подгибались, а все внутри болело от обиды. – Если надо, я уйду отсюда в нижнем белье. Могу даже без единого клочка одежды.

Она боялась, что отец и правда прикажет снять платье, но в гостиной повисла гнетущая тишина. Под шум тяжелого отцовского дыхания Арабелла шагнула за порог. И оказалась на улице, под неприятной моросью.

А чемодан со всеми вещами, с золотыми монетами, спрятанными в копилке, остался дома, за дверью.

Дверь громко хлопнула за спиной. Оказавшись одна на улице, без денег, без крова, под морозящим дождем, Арабелла растерялась. Несколько минут она просто стояла на крыльце, глядя на проносящиеся мимо повозки и омнибусы, затем заставила себя спуститься по лестнице и бесцельно двинулась вдоль тротуара.

О, боги! Она это сделала. Ушла из дома.

С каждой секундой дождь усиливался, и вскоре единственное платье Арабеллы промокло до нитки. Спасаясь от ливня, несчастная забежала в ближайший магазин – им оказалась элитная чайная лавка с одиноким посетителем – и принялась думать, что делать дальше.

Драгоценности можно сдать в ломбард. Какое счастье, что

Арабелла догадалась их надеть, а не затолкала в сумку, которую пришлось оставить в гостиной. На вырученные от украшений деньги можно снять комнату на мансардном этаже где-нибудь на городской окраине и при жесткой экономии протянуть пару недель. Потом необходимо найти работу. Ее придется совмещать с учебой в институте магии, но по-другому никак – жить на что-то надо.

Наблюдая за дорожками воды на стекле витрины, Арабелла порадовалась, что год учебы в Нортемском институте Колдовских искусств уже оплачен. А еще – что в этом месяце она успела внести обязательный взнос в фонд общества «Сестер сострадания», в котором состояла.

«Пожалуй, мое положение не безнадежно», – подумала она, переступая с ноги на ногу в хлюпающих, набравших воду ботинках. По крайней мере, желания вернуться домой с поджатым хвостом у нее не возникло.

Лучше мерзнуть и голодать на улице, чем позволить уложить себя в постель к старику.

Снаружи завывал ветер. По дороге вдоль тротуаров бежали бурлящие потоки воды. В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выпустит, а ее вышвырнул из дома родной отец.

Арабелла не знала, как уложить в голове эту мысль. С самого детства она видела, что Артур Челтон человек холодный, черствый, однако и подумать не могла, что жестоким он способен быть не только с окружающими, но и с собствен-

ной дочерью. Он и к матери ее относился с пренебрежением. Зато Арабелле до поры до времени давал довольно много свободы. Вот она и обманулась, решив, что отец никогда не поступит с ней как с бесправной вещью.

Поймав на себе пристальный взгляд хозяина чайной лавки, Арабелла смутилась и сделала вид, что рассматривает товар на полках, – выбирает что купить, а не просто переживает ливень.

В какой-то момент за стеклом витрины она заметила маму: Шарлотта Челтон нервно носилась под дождем, заглядывая то в один, то в другой магазин на противоположной стороне дороги. Она была без зонта, в небрежно накинутой поверх платья шали, в легких домашних туфельках и в руках держала ее, Арабеллы, чемодан – похоже, выбежала на улицу в поисках дочери, как только смогла сделать это втайне от мужа.

Арабелла выскользнула из чайной лавки, подождала, пока очередной черный омнибус промчится по дороге, скрипя колесами, и двинулась к матери.

– Ох, хвала высшим силам! – воскликнула, увидев ее, Шарлотта и прижала ладонь к груди.

Без лишних слов Арабелла схватила родительницу за локоть и затащила под крышу ближайшего магазина. Там они забились в дальний угол, где никто из посетителей не мог подслушать их разговор.

– Милая, пожалуйста, вернись домой, – зашептала мать. –

Ну подумай, куда ты пойдешь? Где будешь жить? Тебя же могут... обидеть, – губы Шарлотты задрожали. – Ночью в городе полно плохих людей. Мужчин. Отец... он отходчивый, простит твою неприличную выходку. Только, умоляю, вернись. В замужестве нет ничего страшного.

– Он хочет продать меня старику. Своему деловому партнеру.

– У вас всего-то тридцать лет разницы. Когда моя бабушка выходила замуж, ей было восемнадцать, а жениху шестьдесят, и она не жаловалась, не возмущалась. Она понимала, что счастье не в молодости и не в привлекательной внешности. Супруг должен быть надежным и обеспеченным. А за красивым упругим телом, – Шарлотта вдруг покраснела, хитро стрельнула глазами по сторонам и закончила еще тише: – за красивым упругим телом можно и в бордель разок сходить. Ничего в этом предосудительного нет. Женщине тоже иногда хочется удовольствия.

Что? Она не ослышалась? Мать предлагала ей адюльтер? Да еще и не видела в измене ничего плохого?

Пришлось до хруста сжать зубы, чтобы не высказать матери все, что Арабелла думает по поводу ее слов.

Еще и рабство поддерживает. Фу.

– Замуж выходят не для того, чтобы бегать налево.

– Может, твой жених не так страшен, как тебе представляется. В пятьдесят мужчина, конечно, уже не в самом расцвете сил, как утверждает твой отец, но некоторые выглядят

вполне импозантно.

– Я не кукла, чтобы меня дарили, не спрашивая согласия. Не для этого две тысячи ведьм полегло в кровавой бойне перед Домом советов. Две тысячи волшебниц умерли за мою свободу, а теперь вы хотите меня ее лишить? Тут и обсуждать нечего. Ты принесла мне чемодан? Спасибо, – Арабелла потянулась к кожаной ручке.

Мать отдала сумку не сразу – только после того, как дочь настойчиво за нее дернула.

– Глупенькая. Все равно же вернешься, когда закончатся деньги.

– Не вернусь.

Дождь прекратился. Арабелла вышла на улицу и направилась в сторону ломбарда. Ноги в промокших ботинках ужасно мерзли, влажное платье холодило кожу. Хотелось переодеться в чистое и сухое, но для этого сначала надо было снять комнату. Хорошо, что из дома она сбежала утром: до темноты оставалось еще много времени.

Однако и к вечеру свободное жилье Арабелла не нашла. Сумерки сгущались, тени наползали на дороги и тротуары. С каждым часом улицы становились все более безлюдными, а редкие прохожие, что встречались на пути, вид имели не внушающий доверия.

В голову, как назло, лезли слова матери о мужчинах, способных ее обидеть, и неуютное чувство в груди постепенно сменялось самым настоящим страхом. Днем на улицах горо-

да Арабелла чувствовала себя куда увереннее.

«Похоже, спать мне сегодня придется на лавочке в парке», — подумала она, и эта мысль напугала ее до безумия. В такое позднее время парк, должно быть, выглядит мрачным и угрожающим, а в тени каждого дерева ей станут мерещиться мужчины, обижающие молодых девиц.

— Что же мне делать? Куда податься?

На ум пришло единственное место, где любая женщина гарантированно могла переночевать.

Дом удовольствий мадам Пим-глоу. Бордель.

Мысленно Арабелла пересчитала деньги, вырученные в ломбарде за украшения, затем подумала о копилке, спрятанной в чемодане между стопками белья. Комнату в «Шипах» ей просто так никто не сдаст. Придется покупать мужчину, что в ее затруднительном положении настоящее расточительство.

Зато она снова увидит того экзотического курто с полосками чешуи на лице и черными-пречерными покрашенными глазами, а главное, сбежит от темноты улиц, таящей опасность.

Глава 4

Когда Арабелла ушла, из комнаты словно выкачали весь воздух. Она ушла и забрала с собой все яркие краски, все нежные звуки, всю радость, что была в мире, и все тепло.

Эта спальня, знавшая лишь разврат, в мельчайших деталях видевшая человеческий порок, – эта спальня, каждый сантиметр которой был пропитан похотью, на какое-то время, на несколько быстротечных часов показалась Дьяру уютной. А все потому, что Арабелла сидела рядом, говорила тихим ласковым голосом, дышала с ним одним воздухом, ее присутствие освещало эти убогие стены как солнце.

Но вот его личное солнце зашло. Закатилось за горизонт в тот момент, когда над крышами соседних домов засияло другое солнце, общее. Дверь бесшумно закрылась за спиной Арабеллы, и вся неприглядная обстановка – пошлые обои, застиранные простыни, атмосфера публичного дома – тут же бросилась в глаза. Мрачно, холодно, одиноко.

Стоя по другую сторону закрытой двери, прижимаясь лбом к ее шероховатой деревянной поверхности, Дьяр прислушивался к звуку удаляющихся шагов.

На его родном острове считали, что жизнь дракона заключена внутри песочных часов, которые бережно держит над океаном многорукая богиня Судеб. Крупицы, падающие из одной стеклянной колбы в другую, отмеряют отпущенное че-

ловеку время. Так вот, сейчас Дьяру казалось, что его часы разбиты. Что как только стихнет шорох шагов, волшебный песок высыплется полностью. И Дьяр отчаянно напрягал слух, ловил последние драгоценные звуки, цепляясь за них, как за ускользающую сквозь пальцы жизнь.

Но, как бы он ни старался, как бы ни сжимал пальцы, как бы ни молил великую Афлоситу о снисхождении, тишина все-таки наступила. И сердце Дьяра умерло, обуглилось, как брошенный в огонь камень.

Не вернется.

Больше не увидит.

Никогда.

Спустя час в спальню вошла Лаира и застала Дьяра, недвижно сидящим на кровати. Сгорбившись и расставив ноги, он застывшим взглядом гипнотизировал пол между своих босых стоп. Когда смотрительница проплыла мимо, чтобы отдернуть шторы, Дьяр даже не поднял голову.

– Вчера ты вел себя возмутительно.

Яркий дневной свет ворвался в спальню, словно агрессивный захватчик. Разогнал полутьму, полоснул по глазам, заставив поморщиться.

– Клиентка на тебя жаловалась. Уже третья за неделю. Если женщина тебя выбрала, будь добр обслужи и только потом ищи более привлекательную добычу. Не стойт – выпей зелье. Тошнит от вида любовницы – закрой глаза и представь на ее месте кого-нибудь другого. А лучше учись не быть таким

брезгливым. Сюда всякие женщины ходят, и большинство — далеко не красавицы.

Лаира продолжала ворчать, а он незаметно кривился от звука ее голоса.

Плевать было Дьяру, под кого его хотят положить, — под красавицу или уродку. Они все для него — каракатицы. Абсолютно все, кроме Арабеллы. И от всех от них блевать тянет, буквально выворачивает.

— Ты же понимаешь, что мне придется тебя наказать.

Он по-прежнему сидел на кровати, опустив голову, по-прежнему бездумно разглядывал пол под своими ногами, когда в поле зрения попали красные туфли смотрительницы «Шипов». Лаира приблизилась и остановилась напротив Дьяра.

— Я знаю, что ты не хочешь в комнату боли. Никто не хочет.

По правде говоря, ему было все равно. Что такое физические пытки по сравнению с душевной агонией? У него сердце из груди выдрали, у него ребра сломаны, и в теле зияет черная, кровоточащая дыра, а эта глупая женщина пугает его болью?

— Но ты можешь избежать наказания, искупить свою вину.

Дьяр поднял взгляд и увидел, как Лаира облизывает губы, толстые, похожие на двух раздутых гусениц.

— Поработай языком. Для меня. Постарайся как следует и заслужишь прощение.

Она чуть приподняла юбку, показав ему икры в коричневых чулках.

– Слышала, язык у драконов раздвоенный. Ощущения наверняка ярче, чем от обычного. Порадуй меня, красавчик, – и можешь до вечера отдыхать в своей комнате. Я тебе даже лишнюю порцию мясной похлебки с кухни пришлю.

Лаира окинула его масляным взглядом и улыбнулась, полная предвкушения. Ей даже в голову не пришло, что курто может отказаться.

Лис бы не отказался. Он бы встал на колени и сделал все, чтобы не попасть в комнату боли. Ухватился бы за этот шанс, как за спасительную соломинку, а Дьяр – нет. Он разозлился. Его словно макнули в грязь. Словно выплеснули ему в лицо ведро помоев. Лаира, признанная красавица, вдруг показалась ему омерзительной. Губы пухлые, как две жирные гусеницы, массивная грудь похожа на коровье вымя, глаза навывкате. Кто-то посчитал бы их большими и выразительными, а Дьяру они напоминали жареные яйца на сковороде.

Хочет его раздвоенный язык, значит?

Едва сдерживая гнев, Дьяр чуть приоткрыл рот. Между соблазнительно разомкнутых губ наружу скользнул тонкий змеиный язык с вилкой на кончике и пощекотал воздух.

При виде этой картины Лаира вся вспыхнула от желания, покраснелась, задышала тяжелее и чаще.

– Да, милый.пусти его в ход и будешь как сыр в масле кататься. Обещаю, – прохрипела она, еще выше поднимая

пышные юбки.

Дьяр зло прищурился, спрятал язык, а затем громко и демонстративно щелкнул зубами, как бы говоря: «Полезешь ко мне – откушу все напрочь».

В ожидании мести он снова опустил голову и безразлично уставился на свои ноги.

Эта выходка дорого ему обойдется. Проклятая Лаира с удовольствием отыграется на мужчине, который ее унизил и отверг. Просто утопит в боли. Пусть. Какая уже разница? Арабелла ушла и не вернется, так что гори оно все огнем.

* * *

– Ты у меня попляшешь. Ты еще пожалеешь, что отказал мне, – в ярости шипела Лаира, приковывая Дракона к стене в комнате боли.

Зачарованная решетка делила просторное помещение пополам, превращая одну его часть в камеру для провинившихся курто. Здесь со стен свисали цепи, а на полу валялась подстилка из старых тряпок.

Идея обустроить комнату боли принадлежала Лаире. Дьяр даже не знал, известно ли хозяйке борделя, мадам Пим-глоу, о ее существовании. Одобряет она методы своей помощницы или закрывает на них глаза. Так или иначе в душе Лаиры явно жила садистка.

Кандалы защелкнулись с неприятным скрежетом, металлические звенья цепей зазвенели, сталкиваясь. Спинай Дьяр ощутил неровность и холод кирпичной кладки, а затем уви-

дел перед собой горящие ненавистью глаза.

– Будет больно, – пообещала Лаира и принялась читать заклинание.

От стены, к которой Дьяр был прикован, начало исходить голубое мерцание. Он видел, как окружающий сумрак постепенно приобретает синий оттенок. Чувствовал, как начертанная на стене магическая печать все сильнее припекает голую кожу спины. Вскоре эта печать превратится в злой огонь, что обжигает, но не оставляет следов. Дьяр будет гореть заживо, в этом воображаемом огне, час за часом, до самого вечера. Крик станет раздирать его горло, фантомное пламя – обугливать плоть. Ему будет казаться, что спина прокрывается черными волдырями, что эти волдыри лопаются и сочатся кровью. Дьяр будет знать, что ощущения ненастоящие, но со временем боль заставит поверить в их реальность. Боль сожрет его рассудок, превратит гордого мужчину в хнычущий кусок мяса, безвольно повисший на цепях.

А потом с наступлением темноты вернется Лаира, снимет оковы, даст пленнику восстанавливающее зелье и отправит в «Гостиную встреч» обслуживать клиентов: из одного ада пошлет в другой.

– Оставлю тебя здесь на несколько часов, – бросила смотрительница борделя, запирая клетку.

Дьяр сжал зубы. Линии магической печати на стене за его спиной вспыхнули синим потусторонним светом. Пытка началась.

Когда Лаира его освободила, он не удержался на ногах. Расстегнутые цепи с грохотом упали на пол, а вместе с ними и Дьяр, обессиленный и охрипший от крика. Щеки были влажные, губы – искусанные, все в крови.

С трудом подняв руку, он коснулся своих зубов – удостоверился, что не раскрошил их, когда сжимал в попытке не вопить от боли. Зубы были целы, но челюсть ныла ужасно, а во рту стоял отвратительный горьковато-металлический привкус.

– И ведь этот урок не сделает тебя более сговорчивым, – вздохнула Лаира. Красные туфли женщины оказались прямо перед его глазами. Он лежал у ее ног в позе зародыша, медленно и мучительно приходя в себя.

Все эти долгие часы боли Дьяр думал о своей истинной, представлял ее рядом – синий мрак, а в нем хрупкая фигура в ореоле света, сама испускающая золотистое сияние.

Арабелла в его воображении стояла возле решетки и наблюдала за муками Дьяра, мечтая их облегчить, но не в силах этого сделать. Она смотрела на него своими добрыми голубыми глазами, тянула к нему свои нежные белые руки. В конце концов, одурманенный болью, Дьяр решил, что она реальна, что сжалилась и явилась на его отчаянный мысленный зов.

Он пытался ее коснуться. Снова и снова пытался коснуться призрачного образа, рожденного собственной фантазией.

Стремился к ней, натягивая цепи, звеня оковами, рыча от тщетности своих потуг.

А потом новый виток агонии. Разум, охваченный огнем. Пламя добралось до мыслей и обратило каждую в пепел. Осталась лишь алая пропасть, бездонная яма страданий, куда он падал и падал, пока Лаира не вернулась, чтобы прекратить этот кошмар.

– На, выпей, – присев на корточки, смотрительница борделя поднесла к искусанным губам пленника пузырек с жидкостью, пахнувшей травами.

Зелье. Зелье, чтобы Дьяр мог скорее вернуться к работе. Курто нельзя терять силы и привлекательный внешний вид. Каждую ночь шлюха обязана приносить деньги.

– Лучше?

Дьяр кивнул. Несколько часов ада сделали его на время покладистым. Он был слишком слаб, чтобы спорить, слишком измучен, чтобы дерзить и показывать характер. Наплевав на гордость, пленник оперся на подставленную руку, позволив Лаире помочь ему принять вертикальное положение. Первые пять минут идти он мог, только держась за стены.

– Ужина для тебя сегодня не будет. И это не наказание, сам знаешь.

Он знал. Не наказание. После такого потрясения организм не примет пищу. Не сразу. Есть сейчас – переводить продукты.

А вот рабочую смену никто не отменял. Отдых – роскошь,

которая полагается избранным, послушным курто, готовым исполнять прихоти хозяйки. Тем, кому не жалко время от времени поработать языком. Дьяр к ним не относился, но у него все равно было немного времени до открытия борделя. Час или два, чтобы поспать и привести себя в порядок.

Лаира бросила Дьяра на лестнице, один на один с преградой, которую в его нынешнем состоянии было не одолеть. Пленник оценил свои силы и с тяжелым вздохом рухнул на верхнюю ступеньку, решив, что попытка спуститься на второй этаж с большой долей вероятности закончится падением, даже если он будет что есть мочи цепляться за перила. Лучше подождать, пока голова перестанет кружиться, колени подгибаться, а пальцы дрожать.

– Ну и как она в постели? – раздался рядом знакомый голос с ехидными интонациями. – Эта блондиночка. Хороша?

Повернув голову, Дьяр увидел Лиса, облокотившегося на дверной косяк. Рыжий оборотень смотрел на дракона насмешливо, с ноткой превосходства, словно сомневался в его мужских способностях.

– Не твое дело, – прошипел Дьяр. Будь он в лучшей физической форме, с удовольствием врезал бы по этой наглой роже, усыпанной веснушками.

– Почему это не мое? – широко улыбнулся хвостатый засранец, и до безумия захотелось ему накостылять. – Очень даже мое. Когда красотка сюда вернется, я сделаю все, чтобы стать ее постоянным любовником. Давно мечтал о такой

хорошенькой клиентке.

Кровь бросилась в лицо Дьяра. Стало жарко. В висках оглушительно загрохотал пульс.

Ублюдок. Он его провоцировал. Но, к сожалению, не просто дразнил, а вполне искренне делился своими планами. Красивые молодые клиентки в «Шипах» были редкостью, и за каждую продажные парни готовы были перегрызть друг другу горло. Плюс одна приятная клиентка – это минус одна старуха или садистка, которую необходимо обслужить. А уж если красотка покупает тебя регулярно...

С раздражением Дьяр понял, что у него появился соперник. Этот рыжий циник, подлый приспособленец, беспринципный нахал, опошливший их с Арабеллой чистые отношения. Да как он смеет говорить о его нежной лилии своим поганым языком, пачкать ее светлый образ своими грязными мыслями! Это его, Дьяра, истинная. Его вторая половинка. Только его и больше ничья. Пусть Лис катится к Хедит.

Рыжий ублюдок наблюдал за Дьяром с улыбкой, словно наслаждаясь его гневом. Для него трепать кому-то нервы было игрой, развлечением, отличным способом скрасить досуг. Слишком слабый после наказания дракон не мог ответить на издевательства по-мужски, кулаками, а потому решил хотя бы не кормить вампира эмоциями.

– Она все равно не вернется сюда, – с горечью произнес Дьяр.

– Что, так плохо проявил себя в постели?

Дракон бешено сверкнул черными глазами. Лис ответил издевательской ухмылкой.

– Очень плохо. Наклонись расскажу, как именно.

От злости распирало грудь, по обеим сторонам челюсти вздувались желваки.

Возможно, Лис и ожидал подвоха, но был слишком самоуверен, потому что подошел ближе и наклонился к Дьяру, как тот и просил. Наверное, не думал, что после комнаты боли соперник способен ему навредить.

Ошибся. Секунда – оба они покатались по лестнице, сцепившись в клубок ярости и умудряясь при этом месить друг друга кулаками.

* * *

Их драка привела смотрительницу борделя в ярость. Двое курто вышли из строя прямо перед рабочей сменой. Оба светили фингалами и выбитыми передними зубами. Впрочем, ни зубы, ни синяки проблемой не были. Ведьма Геральдина, нанятая мадам Пим-глоу, справлялась и не с такими повреждениями.

– Сейчас снова сделаем из тебя конфетку, – пообещала мерзкая на вид старуха, колдуя над поврежденной челюстью Дьяра. – Выпей это – и дырки как не бывало.

– И правда, как не бывало, – подтвердил Лис, стоя перед зеркалом и трогая языком новый отросший зуб.

Как же Дяр ненавидел этого рыжего мерзавца, эту поганую лисицу, тянувшую свои загибающиеся лапы к чужому. Так

и подмывало врезать ублюдку, познакомить его наглый веснушчатый нос со своим кулаком.

Хотя... Уже познакомил. И теперь они разбирались с последствиями.

– А тебе на работу не пора, милоч? – прогнусавила Геральдина, косясь в сторону оборотня. Тот отошел от зеркала и теперь нервировал ведьму тем, что крутился возле ее корзинки с зельями.

– А это что такое? – спросил он, достав из плетеных недр пузырек с бесцветной жидкостью и повертев им в воздухе.

От такой бесцеремонности у ведьмы задержался глаз.

– Экий любопытный. Это против боли. Положи на место.

– А это? – вытащил Лис новый флакончик из черного непрозрачного стекла.

– Да что ж ты все лезешь-то туда? Сонное это. Не трогай.

Лис притворился глухим и снова порылся в корзинке ведьмы.

– Хм, как интересно, – извлек он на свет банку с...

Что это? Тушки мертвых насекомых?

В руках курто держал широкий продолговатый сосуд, доверху наполненный какими-то круглыми тварями. У них были крохотные лапки, черные, лоснящиеся бока и длинные острые носики, похожие на иглы. Существа в банке не шевелились. Все передохли? Впали в спячку?

Старуха Геральдина очень возбудилась, когда Лис нашел этих черных жуков, и злобно замахала руками.

– Верни, верни, где взял! Знаешь, сколько они стоят? Каждая крякла – пол серебряного грифона.

Лис опустил странную банку обратно в корзинку и прикрыл ее содержимое платком.

– А для чего они нужны? – спросил он.

Дьяр зашипел: новый зуб стремительно отрастал, но десна при этом распухла и болела адски.

– Кряклы-то? – Геральдина нанесла на пальцы немного заживляющей мази и примерилась к избитому лицу дракона. Поле для деятельности у нее было обширным: ссадины, синяки, царапины, треснувшая губа. – Одурманивают. Уколешь таким больного – он себя перестанет осознавать, будет, как в тумане, плавать. Операции всякие проводить можно – ничего не почувствует. А почувствует – не сможет сопротивляться.

Почесав подбородок, Лис задумчиво покосился на корзину, укрытую платком.

* * *

В «Гостиной встреч» играла музыка. Женщины сидели на диванчиках, наслаждаясь вниманием продажных мужчин, а Дьяр прятался за колонной. К началу рабочей смены они с Лисом опоздали. Нельзя было пугать клиенток своими разукрашенными лицами, а синяки затягивались долго, особенно темные фонари под глазами.

– Удачной ночи, – задорно подмигнул Дьяру Лис, прежде чем углубиться в зал. Он выглядел расслабленным, беззабот-

ным и вел себя так, словно никакой драки на лестнице не было.

Покачивая бедрами, туго обтянутыми штанами из черной кожи, Лис медленно передвигался по гостиной и явно чувствовал себя в этом гнезде разврата как рыба в воде. Женщинам на диванах он посылал томные улыбки, мужчин-курто одаривал снисходительными взглядами, словно был хозяином заведения, а не таким же, как и все, бесправным рабом для удовольствий.

«Неужели, ему нравится то, что он делает? – задался вопросом Дьяр. – Неужели ему не противно от самого себя?»

Он вспомнил их недавний разговор, вспомнил, как в бешенстве ударил соперника по лицу и ошейник никак не отреагировал на приступ агрессии.

«Значит, чары на наших оковах не дают напасть только на охранников, клиенток и владелицу борделя, но позволяют курто бить друг друга».

Он хотел подумать под этим, но тут все до единой мысли вылетели из головы. На пороге, мокрая и растрепанная, возникла она. Его истинная.

Дьяр подавился воздухом. Захлебнулся эмоциями. Сердце пропустило удар, а потом принялось яростно таранить грудную клетку изнутри.

Пришла. Вернулась. Такая красивая.

Арабелла стояла в дверях и выглядела даже более растерянной, чем в свой первый визит в мужской бордель. Ее при-

ческа потеряла форму, длинные волосы завивались у висков влажными кольцами. Попала под дождь? Почему-то в руках Арабелла держала чемодан. Уезжала куда-то рано утром и не успевала заскочить домой за вещами?

С бешено колотящимся сердцем Дьяр шагнул вперед, навстречу своей любимой. Они находились на разных концах зала: Арабелла – у парадного входа, Дьяр – в тени колонны, за которой прятался от клиенток. Так далеко, так близко.

Окружающий мир поплыл. Комната, диваны, ширмы из растений, чужие лица – все смазалось, потеряло очертания и краски. В фокусе осталась только она, его единственная. Девушка, чье имя музыкой звучало на губах, чей нежный взгляд выворачивал душу наизнанку. Красавица, при виде которой в груди начинало трепетать и жаркий огонь охватывал чресла.

В ушах шумело. Дьяр ощущал себя пьяным, ощущал себя связанным с Арабеллой незримой нитью, чудовищной силой притяжения. Он смотрел только на любимую, видел только ее. И не заметил, как рядом оказался соперник.

– Упс, – шепнул Лис, пройдя мимо и задев Дьяра плечом. В тот же миг что-то укололо дракона в бедро. Короткая вспышка боли, едва ощутимая. Дьяр не обратил на нее внимания. Он сделал еще один шаг в сторону Арабеллы и... покачнулся.

Все перед глазами затянулось туманной думкой, тело перестало подчиняться, Дьяра резко повело вбок. Теряя рав-

новесие, он налетел на рояль и схватился за него, чтобы не упасть.

– Ну-ну, осторожно. – Чьи-то руки вернули ему вертикальное положение, потащили куда-то, как тряпичную куклу. Перед поплывшим взором мелькнуло лицо в веснушках.

Лис. Это был Лис!

С силой Дьяра усадили на диван в темном углу, где Арабелла не могла его увидеть.

Он попытался сопротивляться, попытался встать. Ноги заплетались, кости превратились в мягкую глину. Ладони соперника легли на плечи дракона гранитными плитами и вдавили его в сидение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.